Универсальный для всех типов обществ и эпох социальный миф, надо полагать, позволяет осваивать и архетипические, архаические конструкты мышления «Воспоминания об исторических событиях и подлинных персонажах трансформируются в течение двух или трех веков и только затем получают возможность войти в матрицу архаической ментальности, отторгающей индивидуальное и сохраняющей только образцовое» [13, с.49].

Отметим потенциал мифологий в качестве своеобразной «отсутствующей структуры», обеспечивающей адаптивность к длительным информационным процессам участников социальных отношений [9; 12;13]. Воплощая фундаментальный код, этот механизм обеспечивает минимизацию, свертывание многослойных и пролонгированных повествований компактные и синхронно декодируемые мифосюжеты.

Таким образом, мы можем констатировать обеспечение упорядоченности представлений участников социальных отношений на фоне прироста разнообразия и объемов информирования в системе общества. Преодолевая противоречия и избыточность социальной жизни, мифосознание и присущие ему процедуры упорядочения восприятия действительности обеспечивает архетипическое «попадание» и синхронизацию совокупного опыта [15].

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум. 1995. 323 с.
2. Кириллов П.Е. Образовательные практики в контексте дискурса М. Фуко // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2005. Т.2. № 6 (15). С. 21-27.
3. Кэмпбелл Д. Герой с тысячей лицами. Киев: София. 1997. 336 с.
4. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука. 1983. 536 с.
5. Малиновский Б. Магия, наука и религия. Пер. с англ. — М.: «Рефл-бук». 1998. 304 с.
6. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: РГГУ. 1994. 136 с.
7. Рябцев С. В., Кириллов П. Е. Мифологическое время и пространство как факторы институционального формообразования и воспроизводства // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 10. С. 189-193.
8. Рябцев С. В., Кириллов П. Е. Темпоральная организация социального мифа // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 8. С. 113-117.
9. Рябцев С. В. Место и роль мифологии в социально-политической жизни России XX столетия (социально-философский анализ): дис. канд. филос. наук. М., 2004. 177 с.
10. Рябцев С. В., Кириллов П. Е. Временной компонент социального мифа как социообразующая структура // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 8. С. 135-139.
11. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: 1963. 836 с.
12. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. - 1988. -№2. - С. 129-137.
13. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум. 2004. 544 с.
14. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Инвест-ППП. 1995. 256 с.
15. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб.: Алетейя. 1998. 258 с.
16. Юнг К.-Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев.: ГБДЮ. 1995. 384 с

Топоркова Ю.А.

Лексическая безэквивалентность как переводческая проблема

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

(Россия, Севастополь)

doi: 10.18411/lj-01-2021-227

idsp: ljjournal-01-2021-227

Аннотация

Статья посвящена проблеме передачи безэквивалентности при переводе с испанского языка на русский. Изучено явление лексической безэквивалентности. На

основе семиотической классификации выделены и проанализированы культурно-маркированные лексические единицы, описывающие колумбийские реалии; изучены способы их перевода на русский язык. Выявлены основные способы передачи рассматриваемой безэквивалентной лексики при переводе: транскрибирование, транслитерирование, описательный перевод, функциональный аналог, приближённый перевод, калькирование.

Ключевые слова: лексическая безэквивалентность, безэквивалентная лексика, транскрибирование, транслитерирование, описательный перевод, функциональный аналог, приближённый перевод, калькирование.

Abstract

The article focuses on the problem of non-equivalency in the process of translation from Spanish into Russian. The phenomenon of lexical non-equivalency is studied. On the basis of the semiotic classification the none-equivalent lexis describing Colombian realities is examined; the ways of translating are analyzed. The main translation techniques used for translating the none-equivalent vocabulary are singled out: transcription, transliteration, descriptive translation, functional analog, rough translation, calquing.

Keywords: lexical non-equivalency, non-equivalent vocabulary, transcription, transliteration, descriptive translation, functional analog, rough translation, calquing.

Перевод с одного языка на другой предполагает соприкосновение двух языков и культур. Главной задачей в процессе перевода художественного произведения является сохранение национального колорита, самобытности лексики и авторских образов средствами переводящего языка. При этом переводчику неизбежно приходится сталкиваться с проблемой перевода безэквивалентной лексики.

Безэквивалентные лексические единицы – это слова, представляющие собой наименования явлений и понятий, свойственных определённой культуре, план содержания которых невозможно соотнести с какими-либо лексическими понятиями на другом языке [1]. Они не имеют регулярных соответствий в другой культуре, потому что являются продуктом внеязыкового коллективного опыта, отражающего в первую очередь социокультурную реальность конкретного народа [3, с. 37]. Таким образом, это специфичная лексика, не имеющая ни полных, ни частичных эквивалентов среди единиц переводящего языка.

Рассмотрим особенности функционирования испаноязычных безэквивалентных лексических единиц в художественной литературе и их воспроизведение в русском переводе. Учитывая культурно-семантическое своеобразие языка прозы Г.Г. Маркеса [6, с. 151], обратимся к изучению культурно-маркированной лексики, описывающей колумбийские реалии.

В соответствии с семиотической классификацией [2], в тексте оригинала нам удалось выявить случаи употребления референциально-безэквивалентной лексики: авторские неологизмы, сложные слова, семантические лакуны. Рассмотрим соответствующие примеры и их переводы:

«Tenía una medallita de la Virgen de los Remedios colgada en el cuello de bisonte... y en la muñeca derecha la apretada esclava de cobre de los niñosencruz» [4, с. 90]. – «На бычьей шее висел образок Девы Исцелительницы... а правое запястье было плотно сжато медным браслетом-талисманом» [5, с. 109].

Как видим, в данном случае авторский неологизм «*niñosencruz*» (исп.: niños – младенцы; cruz – крест) образован путём сложения двух семантических основ и

переведён с помощью функционального аналога «браслет», исходя из того, что герой носит этот медный предмет вокруг запястья. Но так как это не просто украшение, а некий амулет, придающий данному персонажу небывалую силу, переводчик применяет приближённый (уподобляющий) перевод – «браслет-талисман».

В результате изучения материала исследования установлено, что прагматически-безэквивалентная лексика в произведениях колумбийского писателя представлена в основном звукоподражаниями, междометиями и словами с суффиксами субъективной оценки. Так, уменьшительно-ласкательная форма имени собственного Аурелиано – Аурелито образована при помощи соответствующего испанского суффикса «-ito» – Aurelito:

«*Eso es un disparate, Aurelito*» [4, с. 103]. – «*Аурелито, это безрассудство*» [5, с. 120]. При этом мы можем наблюдать, что в тексте перевода форма имени оригинала сохранена и передана путём транскрибирования: *Аурелито*. Сохранение ласкового обращения при переводе целесообразно: Ауреалиано уходит на войну, и его семья беспокоится о нём. Тем самым переводчик воспроизводит приём, выбранный автором для передачи чувств героев.

Анализ текста оригинала и перевода позволил сделать вывод, что транскрибирование также является основным способом перевода колумбийских разговорных звукоподражаний, встречающихся в тексте оригинала. Например, кудахтанье курицы «*cloc cloc*» передано в русском переводе транскрибированной формой «*клок-клок*»:

«*Después de varios días de auscultaciones, con la oreja pegada a las paredes, percibieron el cloc cloc profundo*» [4, с. 76-77]. – «*Несколько дней подряд они только тем и занимались, что прикладывали ухо к стенам и тщательно выслушивали каждую, пока, наконец, не уловили далекое «клок-клок»*» [5, с. 97].

В этой связи интересен случай повторного использования Маркесом данной ономотопеи, обозначающей имитацию звука курицы-наседки, для описания грохота: «*Conservaron el talego con los huesos en espera de que hubiera un lugar digno para sepultarlos, y durante mucho tiempo estorbaron por todas partes y se les encontraba donde menos se suponía, siempre con su cloqueante cacareo de gallina clueca*» [4, с. 43-44]. – «*Мешок с костями спрятали до тех пор, пока не появится достойное место для захоронения, и еще долго он попадался под руку в самых разных местах, там, где его меньше всего предполагали обнаружить, и всегда со своим «клок, клок, клок», похожим на кудахтанье сидящей на яйцах курицы*» [5, с. 68]. В данном примере прагматический потенциал авторской метафоры «*cloqueante cacareo*» (досл.: квохтанье-кудахтанье) воспроизводится в переводе при помощи сравнения с курицей; а также с использованием описательного перевода. При этом переводчик прибегает к уже знакомой читателю звукоподражательной форме «*клок, клок, клок*».

В результате анализа текста оригинала и перевода установлено, что колумбийская альтернативно-безэквивалентная лексика представлена, главным образом, реалиями, именами собственными, географическими названиями и фразеологизмами. Рассмотрим соответствующие примеры и способы их перевода. Представленные в произведениях Г.Г. Маркеса реалии (название блюд, растений, национальных обычаев), как правило, транскрибируются, но, так как являются экзотизмами, иногда требуют пояснений при переводе:

«*Al regreso de la estación arrastraba a la cumbiamba improvisada...*» [4, с. 228]. – «*Возвращаясь с ними со станции, Аурелиано Второй увлекал за собой, словно в импровизированной кумбиамбе*» [5, с. 250]. В переводном тексте название народного

колумбийского танца «*cumbiamba*» транскрибировано («кумбиамба»), но также сопровождается сноской: «танец, который исполняют мужчины с зажженными свечами в руках».

Осуществлённое исследование показало, что географические названия, имена собственные также транслитерируются или транскрибируются, как можно видеть из следующих примеров:

«*Les preguntaba por él a los muertos de Riohacha, a los muertos que llegaban del Valle de Upar*» [4, с. 78]. – «Спрашивал о нём у мертвецов, прибывавших из Риоачи, у покойников, которые являлись из Валье-де-Упар» [5, с. 98].

«*El coronel Aureliano Buendía había de recordar aquella tarde remota*» [4, с. 3]. – «Полковник Аурелиано Буэндия... вспомнит тот далекий вечер» [5, с. 33].

Однако для перевода прозвища одного из героев «*Francisco el Hombre*» (исп.: hombre – человек) переводчик использует калькирование «Франсиско Человек», что вполне оправданно, так как если транслитерировать или транскрибировать оригинальный вариант «*el Hombre*», то теряется значение, вложенное автором в этот антропоним:

«*Francisco el Hombre, así llamado porque derrotó al diablo en un duelo de improvisación de cantos, y cuyo verdadero nombre no conoció nadie*» [4, с. 53]. – «Франсиско Человек, прозванный так за то, что он победил дьявола в состязании по складыванию песен, и чьё настоящее имя никому не было известно» [5, с. 76].

Обратимся к случаям перевода фразеологических единиц. Испанский фразеологизм «*a la buena de Dios*» (досл.: «по воле Бога») в тексте перевода передан при помощи функционального аналога «на произвол судьбы»:

«*Míralos cómo están, abandonados a la buena de Dios, igual que los burros*» [4, с. 16]. – «Ты только погляди на них, ведь они брошены на произвол судьбы, словно щенята какие» [5, с. 44].

При помощи этого же русского эквивалента передано испанское устойчивое выражение «*quedar a la deriva*», которое дословно переводится как «оставить плыть по течению» (то есть поступать так, как вынуждают обстоятельства, пассивно подчиняясь им):

«*No pudo tolerar la idea de que un retoño de su sangre quedara navegando a la deriva*» [4, с. 39]. – «Он и мысли не допускал, что отпрыск рода Буэндия окажется брошенным на произвол судьбы» [5, с. 64]. Здесь переводчик применяет приближённый перевод, что в данном случае, абсолютно целесообразно, так как русский аналог «бросить на произвол судьбы» более полно раскрывает контекстуальное значение испанского фразеологизма, так как герой романа не мог оставить без поддержки беспомощного новорожденного внука.

Таким образом, осуществлённый анализ текста оригинала и перевода позволил выявить основные переводческие способы и приёмы, используемые при переводе колумбийской безэквивалентной лексики на русский язык. При передаче прагматически-безэквивалентных лексем (звукоподражаний, междометий, имён с субъективно-оценочными суффиксами), как правило, используется транскрибирование, транслитерирование, или описательный перевод. При этом описательный перевод может сопровождаться исходной транскрибированной звукоподражательной формой для более полной передачи прагматического значения слова-междометия оригинального текста. Выяснено, что при переводе авторских неологизмов и фразеологизмов переводчик прибегает к функциональному аналогу или приближённому переводу. Однако некоторые альтернативно-безэквивалентные

лексические единицы (например, авторские антропонимы) могут быть переданы путём калькирования.

1. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Русский язык, 2000. 387 с.
2. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика. СПб.: Типография издательства СПбГУ, 2006. 200 с.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода. М.: Прогресс, 2000. 253 с.
4. Маркес Г. Г. Сто лет одиночества: Книга для чтения на испанском языке. СПб.: КОРОНА принт; КАРО, 2004. 416 с.
5. Маркес Г. Г. Сто лет одиночества. Полковнику никто не пишет: Пер. с исп. М.: Правда, 1986. 480 с.
6. Топоркова Ю. А. Способы передачи безэквивалентной лексики романа Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества» в русском переводе // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2017. № 8-1 (74). С. 151-153.

Moiseeva A.V.

Revisiting the problems of text perception

*Bashkir State University
(Russia, Ufa)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-228

idsp: ljjournal-01-2021-228

Аннотация

В статье рассматриваются феномен восприятия письменного текста, исходя из позиции активности воспринимающего субъекта, целенаправленности восприятия, а также его зависимости от многих факторов (в том числе от мотивации, сопутствующих обстоятельств, предшествующего опыта и его организации в долговременной памяти и т.д.).

Ключевые слова: восприятие, цельность, связность, осмысление, интерпретация текста.

Abstract

The article examines the phenomenon of perception of a written text proceeding from the active position of the perceiving person, the purposefulness of perception, as well as its dependence on many factors (including motivation, accompanying circumstances, previous experience and its organization in long-term memory, etc.).

Key words: perception, integrity, coherence, comprehension, interpretation of the text.

Currently, any linguistic research in which the author refers to the text (orally or in writing) as the main unit of human communication or in which phenomena that go beyond the sentence are analyzed are usually considered to be the linguistics of the text, whereas fragments of the text are considered as independent linguistic units.

In psychology, the process of perception is understood as an integral reflection of objects, situations and events that occurs under the direct influence of physical irritants to the receptors of the sense organs. The resulting perceptual image is subjected to verification and correction during practical activities, communication and research.

Viewing the perception of speech as "processing", semantic interpretation of the text, in which the image of the text is created, is a necessary compositional part of the overall process of perception. The perception of speech involves person's perceptual system, and therefore it is subject to the laws of general physiology of perception [Vasilieva et al. 1995: 23].